

Ничего лучше конституционной монархии для России он назвать не может ФАТАЛИСТ ИГРАЕТ НА ГИТАРЕ

В МАГНИТОГОРСКЕ супераншлага он не собрал, но концерт прошел более чем успешно: на Александра Розенбаума собирается стабильная публика — его почитатели. Поэтому новые песни слушают очень тихо, а знакомые поют вместе с ним — в полный голос.

А между песнями слушали, затаив дыхание, что скажет их кумир — потому что не был бы Розенбаум Розенбаумом, если бы просто пел. Он открыто — порой даже слишком — говорил о том, что думает: о современной эстраде, где «...звезд полно, а артистов не найдешь», об обществе, в котором «... куда ни плюнь — везде хватает мачо, но очень не хватает мужиков», о русском языке, который не уважают русские люди, потому что «... Эдит Пиаф любят, хотя французского не знают, но очень удивляются тому, что «Вальс Бостон» любят иностранцы»...

Накануне выборов не мог обойти Александр Яковлевич и эту тему — спев прозвучавшую песню о Кольме, загубившей не одну сотню репрессированных патриотов, он сказал: «Призываю вас пойти на выборы и проголосовать так, чтобы история моей песни не повторилась» — вот так, без виллий и излишних подробностей.

От беседы не отказался. И был рад тому, что работать нужно с одним журналистом — сделаем, мол, хороший материал. Надеюсь, оправдала его ожидания: слишком уж Розенбаум харизматичен, чтобы равнодушно отнестись к его оценке. И так, беседу вели дважды: перед концертом, пока маэстро готовили обед в ресторане «Магнитка», и после концерта.

— Трофим, будучи в Магнитогорске, сказал, что не понимает вас только в одном — вы пошли в политику: художник должен быть в оппозиции к власти.

— Сережа Трофимов хороший парень, но... Это вечное русское интеллигентство — сидеть на кухне, хаять все, ничего не предлагать и считать себя выше всего...

— Но политикой должны заниматься профессионалы!

— Депутат — это не политик, по большому счету. И кто такие профессионалы? В аппарате депутатского комитета сидят профессионалы — юристы и экономисты, которые мою инициативу облекают в нужную форму. В идеале парламент — это совет старейшин: вече, агора у древних греков, кнессет в Израиле... Кто будет решать проблемы искусства — экономист? Я мечтаю, чтобы здравоохранением у нас занялся доктор, ведь медицина — клановая специальность: мне не о чем разговаривать с министром, который не знает, как голова по-латински называется. Да,

у министра-экономиста есть заместители — доктора, но в нашей стране, при нашем менталитете все решает царь. В итоге медицина сегодня в таком загоне! А миздрав занимается социалкой, пенсиями и лекарствами и не знает, что такое конгресс кардиологов.

— Но руководитель — тоже профессия, ею нужно владеть... А врач должен лечить.

— В каждом мединституте есть кафедра организации здравоохранения, она готовит главных врачей. Есть финансовый институт и в Минобороны, который готовит военных финансистов. Почему бы оттуда не взять талантливого человека, который, между прочим, еще и на плацу походил? Почему надо сажать гражданского министра — уточняя, в России? У нас ментальность другая — генералы не будут говорить с кандидатом экономических наук, который в армии не служил. Назначили у нас Кириенко премьер-министром: он, может, трижды талантливый, умный, образованный, но ему 30 лет! О чем с ним говорить человеку, который только директором завода отпахал 30 лет?

— То есть вы считаете, что руководство — это опыт?

— Это прежде всего опыт, тем более в России, где мужик не может подчиняться пацану — не потому что пацан плохой, а потому что он «сынок»... Что у нас — мало умных взрослых мужчин от 45 до 65 лет? Я за то, чтобы Путин шел на третий срок, потому что знаю российскую генетику: у нас как ни назови — генсек, президент — это все равно царь. Так это ж хорошо — чего этого стесняться? Я монархист, лучшим строем считаю конституционную монархию и ничего демократичнее для России назвать не могу. Меня бесит западоклонничество. И первый камень в плохое самосознание русского человека внес Петр Алексеевич Романов, сбросив бороды мужикам и надев на них парики с буклями.

— Почему вы ушли из политики? Вам ведь еще есть что сказать...

— А я говорю — в микрофон, который никто не отключит. Знаете, я могу входить только в стаю, у которой хороший вожак. В стае с пастухом я не хожу.

— Вы ведь фаталист?

— Я верю в судьбу. Над жизнью мы работаем вдвоем с Богом: он имеет на человека какие-то виды, а дальше все зависит от нас... Но в то, что Господь нас ведет, я абсолютно верю.

— В медицину вы пошли по стопам своих родителей...

— И ушел, когда музыка стала профессией — я не любил дилетантов. Чтобы быть хорошим фотографом, надо заниматься только этим делом, все деньги тратить на аппаратуру, а не ходить с мильницей и считать, что ты профи.

— А вы были бы хорошим врачом?

— Я и был хорошим врачом — пять лет на «скорой помощи». И вам это скажут доктора, больные, которые до сих пор благодарят меня.

— Почему «Скорая помощь»? Там достаточно квалификации фельдшера...

— Я экстремал, интенсивщик. «Скорая помощь» — великая профессия. У нас, к сожалению, считают, что это эвакуатор. А от нее зависит 40–50, а иногда и 99 процентов успеха. Врач «Скорой помощи» с насморка едет на травму, оттуда — к ребенку, от него — к диабету... Плохо, что у нас немного специалистов-скоромощников, потому что отношение к ним пренебрежительное.

— Женщина и политика — вещи совместимые?

— Да. Более того, для России женщина-политик — это спасение.

— Мудрость, интуиция?..

— Это тоже важно. А главное — с женщиной в бане вопросы решать не будешь. В России так решаются больше половины откатов, взяток... А женщину в баню не позовешь.

— Для вас ваш город Питер или Ленинград?

— Я счастлив, что мой город снова Санкт-Петербург, потому что моя бабушка была санкт-петербурженкой, как и мои внуки. А я ленинградец и всегда говорю: если вам не нравится имя Ленина, то считайте, что это город моей жены — ее зовут Лена.

— Вы производите впечатление человека не совсем удобного, однако со своей командой работаете больше двадцати лет...

— Ну вот не уходят от меня люди. И потом, принимаю человека, я спрашиваю: «Песни мои нравятся?», отвечает: «Нет, но сыграем любую» — я не буду работать с ним, потому что он будет играть ноты, а мне нужна музыка. Лучше возьму музыканта поплотнее, но моя музыка будет на него наводить эмоции, которые я в нее закладывал — и будет музыка.

— У сильных мужиков — я, уж простите, так вас назову, потому что сегодня вы показали свое отношение к этому слову — в жизни обычно есть какая-то слабость. В любой ситуации верен принципам, а тут — тряпка и поделать ничего не может: жена, дочь, внучка... У вас есть такая?

— (Смеется). Собака.

— О ней вы сказали: любит меня больше жизни и боится больше смерти. Вы к кому-либо испытывали такие чувства?

— (Думает). Наверное, к отцу — в раннем юношестве, но это был не животный страх, а осознанный. Больше — ни к кому.

— На радио идет реклама антигриппина, записанная вами с Костей Цю. Зачем вам это?

— А почему бы актерам, спортсменам, певцам, которые всю жизнь делают имя, этим именем впоследствии не зарабатывать? Другой вопрос — что рекламировать. Если меня попросят за бешеные деньги рекламировать кофе «Гранд», я не буду, потому что это дерьмовый кофе. А антигриппин я принимаю сам... Я врач и отвечаю за свои слова. Почему бы не рекламировать хороший мужской парфюм, одежду? С удовольствием, еще и за честь почти, если это будет, к примеру, «Дольче и Габбана» — я люблю эту фирму. Но даже когда актеры, особенно пожилые, рекламируют кофе «Гранд»... Ну простите вы им — они, на ком выросла вся страна, сегодня получают нищенскую пенсию, государство плюет на них, так дайте же им заработать.

— Вы сказали, что вам достаточно пяти минут, чтобы знать о человеке все. Мне интересно ваше мнение по поводу молодежи. Как она?

— А молодежи не бывает плохой — изначально.

— А Станислав Говорухин, Эльдар Рязанов, Алексей Баталов и Лев Дуров сказали, что мы деградируем.

— Я очень дружен и со Славой, и с Левочкой, с огромным уважением отношусь к Баталову, но я моложе их. Да, мне горько, что моя дочь, ей 30 лет, и, тем более, мои внуки читают меньше, чем мы, — но у них есть Интернет, компьютеры... Время меняется. Лев Дуров играл во дворе в футбол тряпичным мячом. Я уже шнуровал кожаный, а сегодня сумасшедшие мячи.

А ваши дети, возможно, ночью воткнут в уши плеер, а утром будут знать всего Пушкина. Чего мне не хочется в сегодняшней молодежи, кроме наркотиков и того, что разрушает мозг, так это западоклонничества. Не хочу говорить о деградированности — то же говорили о нас наши бабушки и дедушки, когда мы танцевали твист: «Что за танцы деградантские? Фокстрот, вальс — вот это танцы...» А сегодня мы дожились до того, что стриптиз называют танцем — и чего нам брюзжать? Главное, чтобы молодежь была ищущая, а она всегда ищущая... Я лишен заботы, но безумно завидую молодежи, когда захожу в книжный магазин. В мое время было десять книг на всю страну. А сегодня идиотская фраза «Книга — лучший подарок» возвращает свой смысл.

— Александр Яковлевич, у вас есть хотя бы один недостаток?

— (Смеется). Конечно, например, я очень вспыльчив. Но борюсь с собой.

— Среди уважаемых коллег вы называли Валентину Толкунову, Льва Лещенко, Иосифа Кобзона, Аллу Пугачеву... А кому из молодых искренне подаете руку?

— Лене Агутину, Володе Преснякову,

хотя это уже среднее поколение, но для меня они молодые... Или вы имеете в виду «Фабрику звезд»? Им — нет.

— Как вы относитесь к Константину Меладзе? Он ведь возглавил «Фабрику звезд-7»...

— Костя милый, интеллигентный человек. Я хорошо к нему отношусь. Есть несогласие в музыкальных вопросах, но могу сказать: если бы все были так же порядочны, как Костя и Валера, к стати... Они правильные люди. А «Фабрика» — это зарабатывание денег.

— Вы бы пришли к фабрикантам?

— Я там был в прошлом году, спел «Ау» с Ирой Дубцовой. Приду, но с условием — говорить им то, что я хочу: что надо оставаться людьми, что они еще сядки, а не звезды. А чтобы стать ими, надо десять лет стоять в кулисах и смотреть, как выступают старшие товарищи, — я до сих пор это делаю. Кобзон, Лещенко, Долина, Толкунова это делают. И костюмы надо приносить с собой. Можно выступать в рваных грязных джинсах — это твой образ. Но не выходи на сцену в том, что носишь просто так. Может, они бы обиделись. Но я почему-то думаю, они бы прислушались.

— То, что вы можете писать в разных стилях, — это понятно. Но как понять то, что зрители одинаково любят и «Гоп-стоп», и «Уток», и «Кругом голова»? Что в вашей музыке, словах, послые есть такое, что привлекает всех?

— Личное отношение к тому, о чем я пою. И я не пытаюсь левой рукой достать правое ухо — я говорю простым русским языком. И о жизни, а не о своих мучениях.

— Я безумно завидую людям, родившимся в Питере, потому что у них есть то, чего никогда не будет у нас — болезненная любовь к своему городу. Я очень люблю Магнитку, но потому, что здесь живут любимые и родные люди. А для вас Питер — тоже любимый человек.

— А как не влюбиться в Дворцовую набережную? Я ведь не люблю Веселый поселок, Купчино, Гражданку, Ульяновку и все остальное — я в других городах это вижу. Но то, что построили Росси, Растрелли, Баженов, Воронихин и другие, не любить нельзя. Поэтому я люблю Вену и Лондон — они очень похожи на Питер, а Питер — на них. Я спокойно отношусь к Парижу — он не так консервативен. У Питера свой дух, и второго такого города нет.

P.S. Благодарим лэйбл «Дэнс-активность» и лично Дмитрия Акимова за предоставленную возможность пообщаться с Александром Розенбаумом.

РИТА ДАВЛЕТШИНА.
Фото ЕВГЕНИЯ РУХМАЛЕВА.